

«КАЖДЫЙ ДЕНЬ СНАЧАЛА»

Памяти В.Г. Распутина и В.Я. Курбатова

*Если соберём волю каждого в одну волю –
Выстоим!*

*Если соберём совесть каждого в одну совесть –
Выстоим!*

*Если соберём любовь к России в одну любовь –
Выстоим!*
В.Г. Распутин.

Редкая, бесценная книга с таким названием оказалась совсем недавно у меня: прислали из Москвы. Переписка Валентина Григорьевича Распутина с Валентином Яковлевичем Курбатовым. Вышла в Москве в 2021 году, в издательстве «Красный пароход».

Это не просто переписка, это роман в письмах... Да, да... Это о любви...

Большой, трудной... О любви к людям, народу, к нашей многострадальной России-родине, к литературе русской... Боль писателя В.Г. Распутина за то, что «народ превращается в население», отдаётся такой же болью в сердце литературного критика В.Я. Курбатова и опоясывает, пронизывает болью всех честных людей на большом пространстве России: от Иркутска до Москвы и Пскова...

«Надо просто сохранить человека, сберечь простое его сердце и живую душу. Никто, кроме культуры, этого не сделает», – читаем у Курбатова.

Общая боль свела, сроднила и соединила двух титанов в литературе 20 – 21 в.в. на долгие годы, до ухода Валентина Григорьевича Распутина в 2015 году, в марте... А точнее: по московскому времени 14 марта, а по иркутскому – было уже 15 марта – день рождения писателя...

Когда-то в этот день 1932 года простая русская женщина, Сибирская земля родили на свет Божий будущего всемирно известного писателя... И забрала обратно, в «ту же землю», в тот же день...

Валентин Яковлевич Курбатов родился 29 сентября 1939 года на Уральской земле, а умер скоропостижно – на Псковской, где прожил всю свою сознательную творческую жизнь. Умер по дороге из Храма, с букетом цветов для жены, который успел купить ей к празднику весны, 6 марта 2021 года, не дождавшись выхода в свет своей книги, не увидел...

Общение писателя с критиком, переросшее в большую дружбу, продолжалось более сорока лет. Сначала на «Вы», а потом, как близкие люди, – на «ты».

Не всегда, далеко не всегда сходятся они в оценке людей, событий в стране, произведений писателей, но никогда не скрывают друг от друга своей позиции, объясняют честно, не оставляют недомолвок.

Диву даёшься, как далеко, точно видели они наше будущее уже в конце 80-ых и самом начале 90-ых годов...

Валентин Григорьевич беспокоится о том, что «время не только межеумочное, но и глухое для восприятия, дурное. Вот-вот начнём терять друг друга физически». Это написано в мае 1993. Курбатов в ответ в ноябре того же года: «Очень похоже, что никакой России может не остаться

вовсе, а борьба за неё переносится из парламентов в человеческое сердце, в каждую отдельную душу. «Какое-то партизанское существование, отсиживание по лесам».

Распутин вторит ему: «Мы все стали лаять из своей подворотни». И ещё, уже в 2010 году: «Нет у меня никакой уверенности, что Россия вернётся в Россию».

А четырьмя годами раньше, когда Распутин поддерживал лидера КПРФ Зюганова в предвыборной кампании, и за это во всех СМИ были нелестные отзывы со стороны противников политика, досталось и писателю. Курбатов тоже высказал своё жёсткое мнение по этому поводу: «Нельзя, нельзя нам сидеть в президиумах ни с Ельциным, ни с Зюгановым – ни тому, ни другому до Родины нет дела...»

А вот и ответ Валентина Григорьевича на эти обвинения: «С Зюгановым же я вожжаюсь не потому, что скорблю или скучаю по коммунизму (хотя скорблю, может быть, да, как должно скорбеть по поводу всего, чему народ в течение десятилетий отдавал силы). Но он мне кажется порядочным человеком, порядочней всех, кто имеет всё. Коммунизм ему не вернуть, он и сам, я думаю, понимает, но составить силу, способную хотя бы тормозить властный разбой, худо-бедно ему удалось. И удалось бы больше, если бы «чистые» патриоты не боялись бы замазаться,...когда надо было выхватывать страну из грязи, грязней которой не бывает.

Делиться на красных и белых нынешним летом было безрассудно, безрассудно и сейчас. Но казакам достаточно того, что им дозволено носить лампасы, монархистам – что можно ставить памятники последнему государю, а что вытворяют со страной и народом, за лампасами и памятниками не видать...

Я запачкаться, Валентин, не боюсь, и ни в каких глубинах души согласия у меня с Ельциным быть не может... Но взыскивать с меня за Зюганова – это в тысячу раз менее оправданно, чем спрашивать с Астафьева за творимое Ельциным... Мне уж в приличное общество не попасть, совершенно искренне – не хочется, с отверженными умирать легче».

По мнению Распутина, девизом нынешней власти, чиновников разного уровня, миллионеров стали слова: «Вы молчите, а мы, нахапавшие выше головы, останемся при своих интересах».

В ответ на жёсткое письмо В.Г. Распутин получает строки: «Спасибо за спокойное и твёрдое письмо... Не о чём нам с тобой спорить...»

Тяготятся оба Валентина разного рода фестивалями, днями памяти, но Курбатов вынужден принимать в них участие, потому что является организатором многих, а Распутин, по возможности, пропускает. Так он отказывается от поездки в Ясную Поляну к Толстому и в Михайловское – к Пушкину.

«Тот и другой для меня – это громадное целое, могучее и духовное, и отколупывать от них крошки, ... обнаруживать и насиловать свою бедность – тяжело это... А в колготне, в толпе ни Толстого, ни Пушкина не почувствовать».

Примерно так же чувствует себя В. Распутин в Сростках, на Шукшинских днях. В письме от 12 июля 1989 года напишет Курбатову: «В Сростки тоже не поеду. Устал от толпы, ни поговорить не дадут, ни постоять в молчании». А в одном из писем признался: Я часто вспоминаю слова Шукшина: «Тише было бы громче».

Кстати, в одном из писем 2002 года писатель советует другу написать серьёзную статью «о том, как живые распоряжаются мёртвыми... О своих поговорить полезней...

И с Шукшиным, и с Рубцовым, и с Вампиловым, что хотят, то и делают. Ни прозаика, ни поэта, ни драматурга у них не отнять, но личности перевираются с радостью и гадостно. Из убийцы Рубцова сделали страдальцу и объявили её по таланту не ниже, чем Рубцов; Шукшин, как полагается, пьяница и бабник (чего стоит одна книжка о нём, полная домыслов, Тамары Пономарёвой), Вампилов таков же.

Но с Вампиловым поступили, мне кажется, гнусней всего. Фонд его имени паразитирует на нём, выдумывая, что бы ещё сочинить и организовать для звучания. Вытаскивают самые срамные постановки и по Вампилову (те, которые сам автор не хотел выпускать на свет), и по пост-вампилову. Области это обходится в огромные деньги, и расходуются они для развращения вкусов и нравов.

Святые имена служат наклейкой для низкосортного товара», – такой вывод делает писатель.

Ещё о Шукшине и памяти в письме от 23 августа 2004 года Валентин Григорьевич напишет: «Слетал в Сростки. Памятник Клыкова, мне показалось, точен, и стоит он (сидит, как в последней сцене «Печек-лавочек»), обозревая родные дали и собирающийся народ, на месте, на Пикете.

Нынче, в этот юбилейный год, поменьше было и шоу, потому что побольше серьёзных людей на сцене и среди не менее десяти тысяч поклонников – поклонников всё-таки Шукшина, а не Панкратова-Чёрного и ему подобных, хотя и Панкратов-Чёрный был. Если и дальше так – вернут Пикет Василию Макаровичу и, может быть, отставят шоу. Иной раз и губернаторского места не жалко, чтобы смехачи ушли со сцены».

Больше, чувствуется по письму, Распутину понравилось в Смоленском, у писателя Анатолия Соболева. «Почтение какое-то очень тёплое чувствовалось к своему земляку. И всё искренне, непоказно, не допустив даже малейшей фальши.

Трудно великим остаться в чистоте», – заключает писатель.

В. Распутин сокрушается о том, что «литературы не стало, но поддёрживать-то её, вытаскивать-то её из небытия кому-то надо...» В этом он абсолютно солидарен с В. Шукшиным, который в самом начале 70-ых прошлого века написал: «Литературы нет... Это ведь даже произвести страшно, а мы – живём».

В. Курбатов много лет входил в жюри разных литературных конкурсов, в том числе «Ясная Поляна», и ему приходилось читать огромное количество произведений, представленных на соискание этой престижной премии, («...читать тыщи страниц... Тыщи-то полторы уже прочитал. И остановиться-то пока не на чем».

Возмущается В. Г. Распутин тем, что «аппетиты растут, и чем ближе к концу света, тем больше жадность». И что самое-то страшное – этим страдают не только чиновники всех уровней и современные купцы-капиталисты, вдруг появившиеся в одночасье и ниоткуда. Страшно, что жадность и бесстыдство стали проникать и в писательскую среду.

«Стало обычным и даже похвальным делом – выпрашивать себе премии. Байбородин выпросил себе с помощью Личутина Большую Российскую... Не жалко, но противно. И меня приплёл, хотя я отказался

поддерживать выпрашивание. Нет, отыскал какую-то рецензию более чем двадцатилетней давности и без смущения выдал её за документ».

Сам же Распутин чувствовал себя очень скверно, когда его, как ему казалось, не в меру хвалили. А такие заголовки предъюбилейных статей о нём в журналах и газетах, как: «Мы спасены, с нами Распутин», – просто выводили из себя.

В одном из писем Курбатову он честно признаётся: «А «философ» из меня в статьях оказался никудышным. Но я ведь никогда и не претендовал ни на то, ни на другое и в самые благополучные, «хвалебные» времена страдал втайне от своего несоответствия той фигуре, какую из меня, вероятно, из добрых побуждений, делали».

И в этом он опять солидарен с В. Шукшиным, заявлявшим: «Если художник сознаёт свою долю в искусстве, значит, будет толк».

Единомыслие между Распутиным и Курбатовым в отношении религии, точнее церкви, в современном мире. Хотя Курбатов – воцерковлённый человек, постоянно не только бывает в Печёрском монастыре, но и помогает священнику на службах в храме Пскова, читает каноны во время богослужения... Даже он признаётся в письме, что вера его только в храме, а как только выходит, так всё и заканчивается. Считает, что наша церковь практически ничем не отличается от католической по её роли в государстве. Отличия только внешние.

Распутин на это отвечает: «Я не внутри церкви, а возле, и мой суд несерьёзен, но я с протопопом Аввакумом, который сказал: как дедами поставлено – так пусть и стоит оно во веки веков. И с пословицей: пусть горит село, но живёт обычай. И не хочется ещё одного раскола, а он, мне кажется, при настойчивости будет неизбежен».

Об отношениях, временном расхождении писателей Астафьева, Белова, Распутина очень точно написал Курбатов в письме от 19 марта 1996 года: «В.П. (Виктор Петрович Астафьев, автор) придумывает какой-то библиотечно-писательский семинар в Овсянке..., собирается позвать тебя и Белова... Я слышу тоску навоевавшегося сердца, которое ищет опоры в некогда родных сердцах. Хорошо, если бы это так и было понято и принято и тобой, и Василием Ивановичем. Потом разойтись будет не поздно, но упустить возможность собраться, как встарь, никак нельзя».

Он когда-то сам первый протестовал, когда я говорил о вашей неразлучности, а вот повоевал, повоевал и понял, что все вы друг другу написаны на роду и никуда деться друг от друга не можете, потому что в народном сердце теперь навсегда втроём прописаны».

В ответном письме В. Распутин, понимая, что Курбатов выступает арбитром и заинтересован в примирении писателей, пишет:

«Ох, боюсь я, Валентин, как бы из этого не вышло противоположное. Белов, я думаю, и не поедет: провода-то ведь оголены с той и другой сторон, и соприкосновение... опасно».

В.П. (Так в письмах они иногда называют В.П. Астафьева, для краткости) не удержится, чтобы не отвесить свой обычный «поклон» коммунакам, которые виноваты во всём, но особенно виноваты в том, что произошло после 91-го года, а Белов не удержится возражать. Я более покладистый человек, но не удержусь и я».

А годом раньше Валентин Григорьевич объясняет свою позицию в отношениях с В.П. Астафьевым.

«...Доказать можно всё что угодно, когда задаёшься такой целью. Ни зла, ни обиды у меня на Астафьева нет, и я искренне надеюсь, что если проживём ещё, то и сойдёмся, и сдружимся. Но делать это придётся заново, потому что того В.П., которого я знал, у которого немало взял и который как человек и как талант был целен и здоров, – того Астафьева уже нет. «Не сотвори себе кумира», – вот о какой заповеди он запомнил...

Если он прав в своей «органической правде», то ведь правы и черниченки, и нуйкины, и окуджавы, ибо он сознательно рядом с ними встал, рассылая проклятия и требуя расправы. До того и Толстой не доходил. Толстой в сваре не участвовал... В.П. полагает, что талантом всё оправдается и талант из любого кривого положения его выведет и выпрямит, что он не может быть неправ, ибо достиг положения, когда и неправда превращается в правду, если смотреть на неё из вечности... Но до вечности-то ещё дотянуть надо... Как бы ты отнёсся к священнику, который проповедует в храме, что Бога нет? В. П. сейчас со своей кафедры делает то же самое: обязанный от зла спасти, он не оставляет читателю никакой надежды...»

Распутин считает последний роман В. Астафьева «Прокляты и убиты» орудием, «стреляющим по своим». Именно так его оценили, по мнению писателя, «подхватили и представили к долларовой оплате...»

«Отказываться от своей истории, какой бы она ни была, смерти подобно... В.П., живший и участвующий в ней, отвергает её с матом... В.П. решил, что ему всё можно..., ему с его талантом, поднимающимся в небесные высоты, действительно всё можно. Но если можно великим, если им это прощается и превращается в знаки величия, если это к тому же щедро оплачивается, то почему нельзя невеликим? А ответственность – штука, которой распоряжается одна лишь вечность. Направление, к которому примкнул вольно или неволью Астафьев, победит. И не столь большие для этого теперь потребуются сроки.»

По мнению Распутина, Астафьев о войне сказал в «Пастухе и пастушке» безжалостней и чётче, чем в романе. Но – не истязая героя и читателя». Заканчивает Валентин Григорьевич письмо такими словами: «Надеюсь, не обидел ни тебя, ни Астафьева. В. П. Продолжаю любить, но с болью. А с тобой, чуёт моё сердце, нам ещё предстоит поспорить о размерах правды».

Жёстко, но честно высказывает Распутин свои мысли Курбатову в письме 2003 года. «Многое в последние два-три года переместилось в пространстве: свои стали чужими, чужие – своими. Вот и у вас с В.П. Можаяв и Абрамов – никакие не писатели, а чуть ли не самозванцы. Но почему же? Почему тесно стало на 1/6 части суши и на 1/2 части мировой литературы Астафьеву с Абрамовым? Они разные, и таланты их разные, но тот и другой при этом крупные фигуры и крупные художники. Почему же так: я есть, а его нет. Это не по-христиански и просто не по-человечески».

Курбатов в ответном письме во многом соглашается с Распутиным, а за некоторые свои поспешные выводы кается, говоря: «Виноват».

В.М. Шукшин в 1966 году высказал мысль: «В последние годы вышла вперёд так называемая «деревенская литература». Там не забыт и меньше испорчен живой русский язык, там всё «попроще», ближе к человеку... Оттуда может прийти по-настоящему большая литература».

Предсказания Шукшина сбылись: появилась проза о деревне, пришли писатели, которых с чьей-то лёгкой руки окрестили писателями-

деревенщиками... А это и была настоящая литература... И «вышагнула» она из Вологды с Василием Беловым, из Сибири – с Виктором Астафьевым и Валентином Распутиным...

Критик Курбатов прекрасно понимает значение в русской литературе сибирских писателей и, вообще, значение Сибири в государстве Российском. Слова М.В. Ломоносова-то со временем стали забывать, а многие, может, и не знали вовсе.

«Что оно такое – матушка Сибирь, какое она значение имеет в «ядре» русского государства... А вот теперь с тобой (т.е. с Распутиным), да с Астафьевым, да с Шукшиным – вот оно! Обидь-ка кто теперь Сибирь... Теперь вы это ядро-то и есть. И это уж мы в беготне своей – окраина».

Сходятся Распутин с Курбатовым и в оценке русской советской литературы 60 – 80-ых годов.

«Это была последняя литература «большого стиля», в которой мы не уступали никакой большой литературе Запада», – так оценил критик.

И о книгах В. Распутина написал в предисловии к его трёхтомнику: «Все думали, что это литература, а это была кардиограмма нашего задыхания... Все по привычке реагировали, тогда как надо было уже на улицу выходить».

Действительно, книги В.Г. Распутина – это не только и не столько литература, сколько – судьба страны, народа, жизни каждого человека... Потому и помнятся, пока живы мы, люди...

«Легко любить книги. Трудно любить писателя», – убеждён критик и писателелюб Курбатов.

Проще всего бросить камень в писателей: не хотят знать реальной жизни, поддались на наживку коммерции, исписались».

Так было с Распутиным, когда он замолчал в конце 80-ых. Многие так и говорили: исписался. Только Курбатов понял истинную причину молчания писателя и написал: «Художника можно прикончить, не трогая ни пальцем, – достаточно уничтожить его героев...»

«Верхи» наши до сих пор не поняли и не хотят понять, что это не «убыль населения», а убыль Родины, уход в иной мир целого Народа, который В. Шукшин называл Народ с большой буквы.

Теперь-то кто герой? Где его искать? В полях – полей почти не осталось... На заводах и фабриках – разрушены... Остаётся только – в магазинах, торговых центрах...

«От боли жизни и лекарство одно – жизнь. Надо хватываться за неё, потому что с нами живут и они – ушедшие...» Такой наказ дал Валентин Курбатов. Гораздо раньше Валентин Распутин завещал: **«Живи и помни»**.

Книга-переписка воскрешает и даёт продолжение жизни ушедшим писателям, поэтам, драматургам, личностям России, без которых наша жизнь была бы намного беднее, скучнее, бессмысленнее.

*Галина Андреевна УЛЬЯНОВА,
шукшиновед, публицист,
член Союза журналистов России.
Алтай. Село Сростки*